

**С. Б. Королева,
А. В. Корзун**

Андрей Курбский, Максим Грек и «Святая Русь»: опыт компаративного литературоведческого анализа¹

В статье рассматривается проблема выражения идеи Святой Руси на уровне образов, мотивов и языкового стиля в «Истории о Великом князе Московском» Андрея Курбского с точки зрения отсылок к книжной (Максим Грек, библейская традиция, «Физиолог») и фольклорной (святость в народных представлениях) традициям. Доказывается, что «Слово» Максима Грека о Василии может считаться одним из источников высказываний Андрея Курбского о святой русской земле и Святорусской империи. В то же время утверждается необходимость уточнения различий в содержании этих образов-понятий и их соотносительности с разными традициями.

Ключевые слова: Андрей Курбский; Максим Грек; идея Святой Руси; фольклорная традиция; книжная традиция.

О князе Андрее Курбском написано много. «Крупнейшая фигура своего времени», «плодовитый писатель» и «перевертень», являющий разные лики своим русским и западноевропейским читателям, — так характеризует его Д. С. Лихачев [12]. Московский боярин, талантливый военачальник, интеллектуал и мыслитель, переводчик Цицерона, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопажита, сподвижник царя и бежавший от предполагаемой расправы на службу к польскому королю «государев изменник» — таким вошел он в историю русской культуры. Обличитель опричнины и тиранически-сладострастной власти Грозного и писатель, блуждающий между русской и польской идентичностями, — таким предстает он в своей знаменитой «Истории о Великом князе Московском».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310.

Создав в этой книге первую *концепцию* современной русской истории — концепцию, претворяющую конкретную историческую реальность в сложное по своей жанровой природе повествование антижитийной направленности [12] с элементами хроники, воинской повести, помянника-мартиролога [10, с. 30–33] и автобиографии [5], Курбский, как известно, выстроил ее не только вокруг политико-религиозных оппозиций, но и вокруг идеи святости русской земли — империи.

В исторической литературе принято говорить именно о единой идее свято-русской империи у князя Курбского, а также о ее возможных западноевропейских и фольклорных источниках — о том, из чего эта идея у Курбского создана (или сконструирована) [7–9; 11, с. 180; 18–19]. Однако литературоведческий анализ системы мотивов и образов «Истории» дает другую картину. В произведении Курбского создается два образа-понятия: «святой русской земли» и «святорусского царства». Они имеют некоторое сходство (связанное, в частности, с воздействием трудов Максима Грека) в своем содержании, однако существенно отличаются друг от друга. Изложению результатов компаративного литературоведческого анализа этих двух образов-понятий и посвящена данная статья.

Структурную основу сложной публицистически-исторической и художественной конструкции «Истории» Курбского составили противопоставления: молодому праведному Грозному противопоставляется Грозный изменившийся, подпавший под власть бесов; тому добру, что должно исходить от государя, — то зло, что им творится; честным, благородным, сильным духом и телом, преданным государю боярам — злая царская воля, точнее произвол.

В системе этих противопоставлений важную роль играют образы-понятия «святая русская земля» и «святорусская империя» («святорусское царство»). Содержание, которым они наполняются в «Истории», связано с воздействием учителя Курбского Максима Грека, его переводческие труды князь пропагандировал в эмиграции, на личное знакомство с ним постоянно ссылался, о его заточении Василием III неоднократно упоминал в своей «Истории» [11, с. 47, 83–84]. Это содержание, однако, не исчерпывается воздействием Максима Грека. Между «святейшей Россией» Грека² и двумя ипостасями Святой Руси Курбского стоят и особые мотивы, и фольклорная традиция, и средневековый «Физиолог», и западноевропейская имперская идея.

Как известно, Максим Грек (в миру Михаил Триволис) прибыл в Москву в 1518 г., чтобы помочь с переводами греческих церковных книг на русский

² В книге Н. В. Сеницыной «Максим Грек», со ссылкой на публикацию П. Бушковича «Максим Грек — поэт — “гипербореец”», говорится о встречающемся в одном из писем М. Грека выражении «святейшая Россия» так: «Уже упоминалось его греческое письмо 1552 года, отправленное из Москвы некоему Макробию <...> Москва названа в записи градом “святейшей России” — это одно из ранних употреблений термина “Святая Русь”, притом в превосходной степени» [14]. Очевидно, что «святейшая Россия» здесь — центр религиозно-географического пространства православной империи.

язык. Вокруг афонского просветителя довольно быстро сформировалась группа учеников, собеседников и единомышленников. На беседу к нему приходили и приезжали не только монахи и переводчики, но и бояре. И хотя единственная засвидетельствованная встреча Курбского с Максимом Греком «произошла весной 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре» [17], однако и антииосифлянские взгляды Курбского, и его трепетное отношение к просвещению, и его переводческие убеждения [11, с. 108–109] обнаруживают следы прямого влияния личности Максима Грека.

Являлись ли, действительно, беседы с Максимом Греком «главной школой жизни для Курбского», как утверждает видный русский историк В. А. Панов [13], однозначно утверждать трудно. Но вполне определенно можно видеть, что поучения Максима Грека оказали прямое воздействие на стиль и мышление князя. Об этом свидетельствует ряд идейных, образных и буквальных совпадений текстов Курбского и Максима Грека.

Одно из таких свидетельств находим во фрагменте из «Второго послания Вассиану Муромцеву» князя Курбского. В нем автор вопрошает адресата:

«Где Илья, <...> обличавший царя прямо в лицо? Где Елисей, посрамивший израильского царя Иоарама <...>? <...> Где Амвросий Медиоланский, усмиривший императора Феодосия Великого? Где Иоанн Златоуст, сурово обличавший императрицу за ее сребролюбие?» [1, URL] (здесь и далее выделено нами. — С. К., А. К.).

Во всех этих вопросах Курбский *буквально следует* за образами и логикой изложения в одном из «Слов» Максима Грека — его «Слове» о Василии, которое также известно как «Слово 26, в котором <...> излагаются нестроения и безчиние царей и властей <...>». Более того, Курбский не только воспроизводит цепочку отсылок к ветхозаветным образам пророков и раннехристианским святым, которую встречаем у Максима Грека, но и отстаивает мысль, столь же непосредственно восходящую к поучениям преподобного:

«<...> нет ревнителей, подобных Ильи и Елисею, не устыдившихся беззаконных мучителей, царей самарийских, нет чудного Амвросия, архиерея Божия, который не убоился величия царской власти Феодосия Великого, <...> нет великого Иоанна Златоуста, который <...> изобличил сребролюбие и лихоимство царицы Евдоксии» [3, с. 213].

Заимствуя у Максима Грека и ряд имен святых и пророков, и принцип ассоциирования этих имен с отношениями пророков с властью, Курбский существенно меняет только синтаксис, вычленив каждое осложненное высказывание в отдельное предложение и заменяя спокойную утвердительную интонацию на взволнованную вопросительную³.

³ Ср.: В монографии В. В. Калугина «Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя)» справедливо подмечено, что другой фрагмент «Второго послания Вассиану Муромцеву» имеет столь же очевидные отсылки к другому тексту Максима Грека — «Второму слову на богоборца пса Моамефа». См.: [11, с. 28].

Этим, однако, воздействие «Слова» Максима Грека о Василии на Курбского не исчерпывается. Особое прочтение идей и образов из этого поучения находим в концепции святой русской земли, изложенной в знаменитой «Истории» Курбского (в ней, как известно, Максим Грек упоминается как преданный разным мучениям Василием III «Максим Философ»). Для анализа схождений между двумя текстами необходимо обратиться к анализу их фрагментов.

В сочинении о Василии Максим Грек описывает, как на трудном жизненном пути, исполненном многих несчастий, увидел женщину, которая была одета во все черное и горько плакала, будучи окружена ужасными зверями. Женщина поведала ему, что она «одна из благородных и славных» дочерей Господа и что имя, данное ей от Бога, есть «Василия»; что управляющие ею жестоки, «не внемлют» «ни советам опытных старцев, ни угрозам боговдохновенных писаний» и не только не делают того, что должны, но превращаются в мучителей, чем ее «бесчестят» [3, с. 204–205]. В конце беседы Василия признается, что самое печальное для нее то, что нет у нее таких защитников, какие были прежде, таких как ветхозаветные пророки Самуил, Илия и Елисей, святые Амвросий, Василий Великий и Иоанн Златоуст, которые могли образумить царей.

«Слово» Максима Грека глубоко соотносится с концепцией «Москва — Третий Рим» в метафизическом понимании исторической судьбы России как христианской империи, долженствующей заместить Рим и Византию и тем самым продолжить традицию охранения и поддержания православной веры и Церкви Христовой⁴. «Земная царская держава» предстает в тексте в аллегорическом образе Василии, что, конечно, не является новаторским ходом с точки зрения соотнесенности идеи города, империи с образом женщины. Изображение города как женщины имеет свои корни еще в древневосточной литературе; эта традиция работает и в античной литературе вплоть до времен поздней Античности и Византии, постепенно модифицируясь в перспективе изображения империи (в том числе теократической Византийской) как женщины — земного воплощения Небесного града Иерусалима.

Образ Василии в «Слове» Максима Грека в русле византийского образа города (империи) воплощает в себе не временное географическое, но топографическое пространство. Это проекция Царствия Небесного в мире земном в форме наделенного Божьей благодатью царства для хранения истины и веры — отсюда не прямые отсылки к Израилю и Римской империи.

В то же время образ Василии становится воплощением личного опыта вхождения автора в современную ему социально-историческую, религиозную и внутрисполитическую жизнь Московского княжества при Василии III.

⁴ Как известно, историософская концепция «Москва — Третий Рим» с акцентами в смысловых точках «вера Христова», «благодать», «святая вселенская церковь», «единственный христианам царь» впервые была озвучена в знаменитом «Послании на звездочетцев» («Послании о неблагоприятных днях и часах») старца Филофея (около 1524 г.). Подробнее о формировании и развитии концепции см. фундаментальный труд Н.В. Сеницыной [15].

В тексте (в словах Василии о том, что управляющие ею не принимают советов, что они обижают народ) находят отражение неудачи Максима Грека, связанные с попытками влиять на царя, митрополита и окружение, в частности в том, что касалось проявлений жестокости, стяжательства и сребролюбия. С этим связан лейтмотив скорбного страдания, угнетенности в образе благодатного государства: Василия есть образ Руси-России как современного воплощения благодатной империи, долженствующей объединять и поддерживать народ в вере и благочестии, но вследствие несправедливости «управляющих» (в первую очередь «мужа»-царя) пребывающей в униженном, скорбном состоянии.

Этот образ, действительно, задает особую смысловую перспективу, в русле которой выстраиваются образы «святой русской земли» в «Истории» Курбского. Женская ипостась и духовное страдание аллегорического образа Василии — благодатной империи разворачивается у Курбского в телесно-мифологический образ несчастной, страдающей матери, чьи дети-звери, открестившись от нее, «прогрызли» материнское «чрево» и стали творить беззакония [2].

«Святая русская земля» здесь мать, воспитавшая себе на беду «коварных» и «злых» детей («отродьев ехидны»): не всех, конечно, но власть предрежающих — царя и его клику; они «прогрызли чрево» матери и теперь убивают своих сродников — русский народ. Конечно, помимо отсылок к Максиму Греку, здесь налицо аллюзия на излюбленное средневековое сочинение «Физиолог» (разные его версии распространились в древнерусской литературе в период XV–XVII вв.), в котором о детенышах ехидны сказано, с отсылкой к Евангелию от Матфея, что они «съедают чрево ее» и «выходят отцеубийцы и матереубийцы, как и иудеи отцеубийцы и матереубийцы убиша отца, сиречь Христа, убиша мать, сиречь церковь» [4, URL]. Однако очевидно, что конкретное историческое наполнение этого мифологического образа средневековой мифологии, проекция христианского средневекового образа не столько в мир духовно-нравственных нестроений, сколько в мир нестроений социально-политических сближает этот фрагмент именно с текстом Максима Грека.

В то же время система мотивов у Максима Грека и Андрея Курбского выстраивается по-разному. В «Слове» первого нет ни мотива родственных уз между святой русской землей и ее сыновьями, ни самой идеи земли. Там царствует византийская идея топологически-теократического организма православной империи. Этих мотивов, разумеется, нет и в «Физиологе». Их следует возводить к источникам фольклорным: именно из (русской) фольклорной традиции мог проникнуть в текст Курбского мотив живой связи между землей и народом (ср.: корень *род-* в словах *родина* и *народ*) в тесной связи с представлением о святости природы. Исследовав этимологию русского слова «святой», В. Н. Топоров справедливо указал на сакральность его древнего, языческого значения «возрастания, набухания» как результата действия особой «плодоносящей силы» природы [16, с. 7]. Примечательно, что инерция этой фольклорной сакрализации живых природных токов проявляется и в первой половине XX в., в частности в рассказах Л.Ф. Зурова, в изображении нерасторжимой

связи растительности с небом и землей, в описании отношения к детям в русском народе как к «живому рощению», т. е. благу природному творению [6].

Под влиянием русской фольклорной традиции ключевой женский образ из «Слова» Максима Грека вместо аллегии имперской власти с ясными византийскими очертаниями становится символом родной земли-матушки. Усиливая момент телесности страдания и уходя от мистической вневременной величественности, Курбский создает не аллегию-символ вневременной благодатной империи, находящейся в растленных руках безбожных «управителей», и, как представляется, не искусственный конструкт, соединяющий «древнерусский идентификат» и «имперский эпитет, возникший как частичная калька с лат. *Sacrum Imperium Romanum*» [9, с. 165], но мифологический образ матушки-земли, святой как по своему материнству, по тем сакральным плодоносящим силам, которые порождают и воспитывают русский народ, так и по тем устоям веры, которые она поддерживает и сообщает. Именно поэтому безбожная искра, разгорающаяся в сердце детей-зверей, грозит, как предупреждает Курбский, охватить собой всю святую Русскую землю⁵.

Вторая ипостась святости русской земли в размышлениях Курбского — это «святая русская империя». Она так же, как образ Василии у Максима Грека, связана с идеей «Москва — Третий Рим» и в этом смысле как бы воплощает вторую, религиозно-аллегорическую, имперскую его сторону. В идее святой русской империи князя А. Курбского мы имеем, однако, не воспроизведение этой устоявшейся идеи, не просто отсылку к образу имперской власти, страдающей в руках неправедных управителей, какой находим в «Слове» Максима Грека, но новую идею, новый сплав. Мы сталкиваемся с конкретным историческим и политическим содержанием.

Своеобразие в осмыслении святости русской империи у Курбского может быть объяснено с опорой на его личную вовлеченность в интеллектуальную жизнь Европы, в первую очередь Речи Посполитой. Свидетельства тому, что Курбский хочет быть своим для поляков и литовцев, многочисленны в тексте «Истории» (неслучайно слово «бояре» в нем автор подменяет словом «сенаторы» и пишет «о великопанских, а по-ихнему, боярских родах») [2, URL]. В представлениях Курбского о святой русской империи концепция Третьего Рима, по всей видимости, соединяется с европейской имперской идеей собирания земель вокруг военизированного цивилизационного центра,

⁵ Ср.: в Голубиной книге, создание которой относят к концу XV – началу XVI в., используется выражение «свято-Русь-земля». Согласно мнению ряда авторитетных ученых (М. Cherniavsky [18]; К. Ю. Ерусалимский [9]; В. М. Живов [8]) само понятие «Святая Русь» возникло только в XVI в. под решающим влиянием Курбского. Высказывается и другая точка зрения: в частности, М. В. Дмитриев утверждает, что «трудно отрицать, что если не самый термин “Святая Русь”, то дискурс, говорящий о святости Руси, появился в восточнославянском обиходе до Курбского. <...> Соловьев справедливо указывал на более или менее очевидное родство между выражением “светлая Русь” и “Святая Русь”». См.: [7, с. 322].

т. е. с идеей Священной Римской империи. Именно поэтому святорусская империя у Курбского — это в первую очередь военизированное государство и военное служение ему.

Действительно, о некоем Степане в «Истории» говорится, что он много лет служил святорусской империи (как ясно из контекста, имеется в виду именно военное служение). То же отмечается в отношении боярина Никиты, «долгие годы верно служившего святорусской империи» [2, URL].

Мотив верного служения императору и империи своим происхождением обязан как собственно древнеримской, так и воспринявшей ее европейской политической идеологии. Это утверждение не ново в отечественной медиевистике: о разработке понятия «Святорусская империя» в «Истории» Курбского в русле именно этих традиций убедительно писали, в частности, А. В. Соловьев [19] и В. В. Калугин [11, с. 180]. Нас интересует другое: теснота переплетения русской и западноевропейской традиций и место в этом переплетении «Слова» Максима Грека.

Литературоведческое внимание привлекает то, насколько тесно образ военизированной святорусской империи у Курбского сплетен с мотивами несправедливости и жестокости власть имущих, с мотивом несправедливой власти, с мотивами социально-религиозными. И Степан, и Никита умерщвлены по простой безбожной жестокости. Обращаясь к вершителям этого злодейства, автор восклицает, называет их «губителями своего отечества» и «всего царства святорусского!» [2, URL]. Патетический тон восклицания — так же как и наименование «губители царства святорусского» — не объясняется простым переступанием через нормы служения государству. Важнейшая перспектива суждений в «Истории» Курбского — перспектива праведности: следования христианским нормам общежития, особенно социально-религиозным нормам правления православной империей.

Эта перспектива четко проявлена и в упомянутом ранее «Послании Вассиану Муромскому»: его текст, как и текст «Слова о Василии» Максима Грека, построен вокруг резкого контраста предназначения правителей Руси и (не) исполнения ими предназначенного. При этом, разумеется, «Русь» в текстах Курбского и его учителя осмысливается по-разному. В тексте Максима Грека само имя даже не упомянуто, мы восстанавливаем его по биографическому контексту и контексту творчества Грека. Это отсутствие имени указывает на важный момент: осмысление Руси у Грека происходит в направлении топографическом, в перспективе вечности: она есть лишь образ благодатной православной империи, место пребывания ее силы, власти и красоты.

В «Послании» Курбского говорится о Руси и как благодатной империи, удерживающей веру Христову, и как этническом и религиозно-культурном явлении: это и цари, которые «самим всевышним помазуются» на установление порядка и защиту от врагов, и «мы, недостойные, малоизвестные древним народам», и «вся наша Русская земля», наполненная верой Христовой. При этом и сам риторический прием противопоставления, и пафос обличения в письме Курбского, по сравнению со «Словом» Грека, конкретизируется:

это «мы» «видим», как несправедливо судят и управляют Русью, как одни бесчинствуют и грабят, а другие страдают и нищают. Неслучайно к концу письма голос автора почти становится голосом библейского пророка-обличителя — «почти» потому, что библейское «Горе вам!» преобразуется в новое противопоставление в духе всего «Послания»: «Горе тем...» и «Горе нам...».

В сопоставлении с контекстом «Послания» Курбского очевидно, что святорусская империя в «Истории» Курбского — это одновременно благочестивая земля Божия, заселенная православным народом, устремленная к Богу и предполагающая главенство воистину христианского царя, и некое подобие Священной Римской империи германской нации, в основе которой идея наследования имперского цивилизационного статуса. Неразрывно связаны с образом святорусской империи Курбского акценты на бесовском нарушении сановниками и самим царем законов Божьих, государственных и человеческих, на страдании народа. В этих акцентах концепция святорусской империи Курбского оказывается снова, как и в случае с образом святорусской земли, близкой идеям и образам «Слова» Максима Грека.

Итак, в двойственной формулировке идеи Святой Руси в «Истории» Андрея Курбского прослеживается: а) общее воздействие поучений Максима Грека (для обоих вариантов идеи), б) фольклорная традиция мифологических представлений о кровной связи народа с землей (для образа святой русской земли), в) аллюзии на мотивы Евангелия и «Физиолога» (мотив ехидны как несправедности, предательства Бога, бесовской извращенности природы) (для образа святой русской земли), г) преемственность по отношению к имперским идеям западноевропейского и русского толка (для образа святорусской империи). Русская идея, как она вырисовывается у князя Андрея Курбского, вырастает не только из концепции «Москва — Третий Рим» в соединении с европейской идеей военизированной империи и русской фольклорной идеей святости земли-матушки, но и из соединения византийской идеи *симфонии* с христианскими и собственно авторскими, автобиографическими мотивами нерадения, извращения, отпадения, страдания и скорби, — соединения, которое ясно отразило личное трагически острое переживание Курбским пропасти между чаяниями и историко-политической реальностью и которое, помимо отсылки к текстам, закреплённым на тот момент в традиции, отсылает к поучениям преподобного Максима Грека.

Библиографический список

Источники

1. Курбский А. Второе послание Вассиану Муромцеву // Сочинения Андрея Курбского (серия: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. 683 с.) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9866> (дата обращения: 12.04.2020).
2. Курбский А. История о великом князе Московском // Курбский А. Сочинения (серия: Библиотека Древней Руси. Т. 11: XVI век. 683 с.) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (дата обращения: 12.04.2020).

3. Максим Грек. Слово, в котором пространно и с жалостию излагаются нестроения и безчиние царей и властей последнего времени // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: в 3 ч. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910–1911. Ч. 1. С. 203–214.

4. Физиолог / подготовка текста, комментарии и пер. О. А. Белобровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4967#_edn17 (дата обращения: 10.04.2020).

Литература

5. Волга А. Н. Автобиографическое и мемуарное начало в сочинениях Андрея Курбского (послания, «История о Великом князе Московском»): дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2019. 207 с.

6. Громова А. В. Растительные образы в прозе Л.Ф. Зурова: мифопоэтический аспект // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 16–23.

7. Дмитриев М. В. Парадоксы Святой Руси: «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства 16–17 вв. и фольклоре 18–19 вв. // Cahiers du monde russe. 53/2-3, Avril-septembre 2012. P. 319–331.

8. Живов В.М. Два пространства русского Средневековья и их позднейшие метаморфозы // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 8–27.

9. Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «Росия», «русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М.: Индрик, 2008. С. 137–169.

10. Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского. Исследование книжной культуры: в 2 т. М.: Знак, 2009. Т. I. С. 30–33.

11. Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Языки русской культуры, 1998. 416 с.

12. Лихачев Д. С. На пути к новому литературному сознанию (сочинения царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 5–23 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8868> (дата обращения: 12.02.2020).

13. Панов В. А. Машинопись комментированного издания сочинений А. М. Курбского в переводе на русский язык (вторая верстка), 1934. Верстка – РГАЛИ. Ф. 629 (издательство «Academia»). Оп. 1. № 996. Л. 14. Цит. по: Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского в XX веке. Т. 1: Исследование книжной культуры. М.: Знак, 2009. С. 254.

14. Синицына Н. В. Максим Грек. М.: Молодая гвардия, 2008. 236 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/maksim-grek/1 (дата обращения: 12.04.2020).

15. Синицына Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

16. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М.: Гнозис, Языки русской культуры, 1995. Т. 1. 875 с.

17. Цеханович А. А. Комментарии // Курбский А. Сочинения (серия: Библиотека Древней Руси Т. 11: XVI век. 683 с.) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-9862> (дата обращения: 17.04.2020).
18. Cherniavsky M. *Tsar and People. Studies in Russian Myths*. N.Y.: Random House, 1969. 258 p.
19. Soloviev A. V. *Holy Russia: The History of a Religious Social Idea* // Mousagetes, XII. Gravenhague, Mouton. 1959. P. 77–113.

References

Istochniki

1. Kurbskij A. Vtoroe poslanie Vassianu Muromcevu // Sochineniya Andrey a Kurbskogo (seriya: Biblioteka literatury` Drevnej Rusi. T. 11: XVI vek. 683 s.) [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9866> (data obrashheniya: 12.04.2020).
2. Kurbskij A. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom // Kurbskij A. Sochineniya (seriya: Biblioteka Drevnej Rusi. T. 11: XVI vek. 683 s.) [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (data obrashheniya: 12.04.2020).
3. Maksim Grek. Slovo, v kotorom prostranno i s zhalosti yu izlagayutsya nestroe-niya i bezchinie czarej i vlastej poslednego vremeni // Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode: v 3 ch. Svyato-Troiczskaya Sergieva Lavra, 1910–1911. Ch. 1. C. 203–214.
4. Fiziolog / podgotovka teksta, kommentarii i per. O. A. Belobrovoj // Biblioteka literatury` Drevnej Rusi. SPb.: Nauka, 1997. T. 5: XIII vek. 527 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4967#_edn17 (data obrashheniya: 10.04.2020).

Literatura

5. Volga A. N. Avtobiograficheskoe i memuarnoe nachalo v sochineniyax Andrey a Kurbskogo (poslaniya, «Istoriya o Velikom knyaze Moskovskom»): dis. ... kand. filol. nauk. Bryansk, 2019. 207 s.
6. Gromova A. V. Rastitel`ny`e obrazy` v proze L. F. Zurova: mifopoe`ticheskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2014. № 2 (14). S. 16–23.
7. Dmitriev M. V. Paradoksy` Svyatoj Rusi: «Svyataya Rus`» i «russkoe» v kul`ture Moskovskogo gosudarstva 16–17 vv. i fol`klore 18–19 vv. // Cahiers du monde russe. 53/2-3, Avril-septembre 2012. P. 319–331.
8. Zhivov V. M. Dva prostranstva russkogo Srednevekov`ya i ix pozdnejshie meta-morfozy` // Otechestvenny`e zapiski. 2004. № 5. S. 8–27.
9. Erusalimskij K. Yu. Ponyatiya «narod», «Rosia», «russkaya zemlya» i social`ny`e diskursy` Moskovskoj Rusi koncza XV–XVII v. // Religiozny`e i e`tnicheskie tradicii v formirovanii nacional`ny`x identichnostej v Evrope. Srednie veka – Novoe vremya. M.: Indrik, 2008. S. 137–169.
10. Erusalimskij K. Yu. Sbornik Kurbskogo. Issledovanie knizhnoj kul`tury`: v 2 t. M.: Znak, 2009. T. I. S. 30–33.
11. Kalugin V. V. Andrej Kurbskij i Ivan Grozny`j (Teoreticheskie vzglyady` i literaturnaya texnika drevnerusskogo pisatelya). M.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1998. 416 s.

12. Lixachev D. S. Na puti k novomu literaturnomu soznaniyu (sochineniya czarya Ivana Groznogo i knyazya Andrey Kurbskogo) // Biblioteka literatury` Drevnej Rusi. SPb.: Nauka, 2001. T. 11: XVI vek. S. 5–23 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://lib.pushkinskij-dom.ru/Default.aspx?tabid=8868> (data obrashheniya: 12.02.2020).

13. Panov V. A. Mashinopis` kommentirovannogo izdaniya sochinenij A. M. Kurbskogo v perevode na russkij yazy`k (vtoraya verstka), 1934. Verstka – RGALI. F. 629 (izdatel`stvo «Academia»). Op. 1. № 996. L. 14. Cit. po: Erusalimskij K. Yu. Sbornik Kurbskogo v XX veke. T. 1: Issledovanie knizhnoj kul`tury`. M.: Znak, 2009. S. 254.

14. Siniczy`na N. V. Maksim Grek. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 236 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/maksim-grek/1 (data obrashheniya: 12.04.2020).

15. Siniczy`na N. V. Tretij Rim: istoki i e`volyuciya russkoj srednevekovoj koncepcii (XV–XVI vv.). M.: Indrik, 1998. 416 s.

16. Toporov V. N. Svyatost` i svyaty`e v russkoj duxovnoj kul`ture: v 2 t. M.: Gnozis, Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1995. T. 1. 875 s.

17. Cexanovich A.A. Kommentarii // Kurbskij A. Sochineniya (seriya: Biblioteka Drevnej Rusi T. 11: XVI vek. 683 s.) [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://lib2.pushkinskij-dom.ru/tabid-9862> (data obrashheniya: 17.04.2020).

18. Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. N.Y.: Random House, 1969. 258 p.

19. Soloviev A. V. Holy Russia: The History of a Religious Social Idea // Mousagetes, XII. Gravenhague, Mouton. 1959. P. 77–113.

S. B. Koroleva,

A. V. Korzun

Andrej Kurbskij, Maximus the Greek and «Svjataja Rus`»: Results of Comparative Literary Analysis

The paper focuses on the problem of expressing the idea of Holy Russia (on the levels of images, motifs and style in Andrej Kurbskij's *History of Ivan IV* — from the point of view of allusions to book traditions (Maximus the Greek, the Bible tradition, *Physiologus*) and the folk tradition («holiness» in Russian folklore). The paper argues that Prince Kurbsky's idea of Holy Russia (both of holy Russian soil and holy Russian Empire), expressed in his *History*, is based on, among other sources, Maximus the Greek's *Word about Basil*. It is stated, at the same time, that it is important to distinguish between two versions of Holy Russia idea in Kurbsky's *History* drawing upon allusions to different traditions.

Keywords: Andrej Kurbskij; Maximus the Greek; ide of Holy Russia; folk tradition; book tradition.